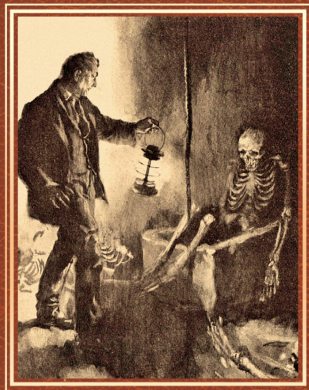

Генри Райдер
Хаггард
Полковник Кварич

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Генри Райдер Хаггард Полковник Кварич

Серия «Мастера приключений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62689116

Полковник Кварич : роман / Генри Райдер Хаггард; [пер. с англ. А.

Бушужева, Т. Бушужевой].: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8406-3

Аннотация

Ветеран жестокой войны в Судане полковник Кварич выходит в отставку и возвращается к тишине и покою, к своим корням, туда, где по колено в цветах пасутся коровы и колышутся на ветру пшеничные поля – в самую глушь на востоке Англии. Но патриархальный уют обернулся обманом. Здесь тоже кипят страсти, плетутся интриги, викторианские шкафы и подвалы селян хранят свои скелеты. Кварич оказывается втянут в таинственную историю, связанную с поиском древнего клада.

В очередной том «Мастеров приключений» входит роман Г.Р. Хаггарда «Полковник Кварич», издающийся на русском языке впервые. Книга пронизана личными воспоминаниями и яркими образами. Сам автор признавал, что его отец и управляющий их поместья Сэм Эдкок стали прототипами двух героев этого романа – властного сквайра де ла Молля и его ловкого слуги Джорджа.

Содержание

Глава I	8
Глава II	22
Глава III	32
Глава IV	47
Глава V	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Генри Райдер Хаггард

Полковник Кварич

*Посвящаю эту историю сельской жизни
моему другу и товарищу по охоте
Чарльзу Дж. Лонгману¹.*

*Иллюстраторы:
Сайрус Кунео и др.*

Знак информационной продукции 12+

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык,
2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

COLONEL QUARITCH, V.C.

A TALÉ OF COUNTRY LIFE.

BY

H. RIDER HAGGARD.

LONDON:

LONGMANS, GREEN, & CO.

AND NEW YORK - 15 EAST 14th STREET

Глава I

Гарольд Кварич размышляет

Есть вещи и лица, которые, когда их впервые касаешься или видишь, оставляют в памяти отпечаток, подобный тому, какой солнце оставляет на чувствительной к свету фотографической пластинке, и запечатлеваются навеки. Возьмем, к примеру, лицо. Возможно, мы никогда не увидим его снова, или же, напротив, оно станет спутником нашей жизни,

но его образ сохраняется в памяти именно таким, каким мы увидели его *впервые*. Та же улыбка или хмурый взгляд, то же выражение, неизменное и неизменяемое, напоминают нам в круговороте мирских изменений о нерушимой природе любого опыта, действия и стороны нашей жизни. Ибо то, что было, существует, оно не знает порчи, но вечно живет в своем застывшем и завершенном «я».

Это слишком серьезные мысли по поводу довольно незначительных вещей, но они внезапно возникли в сознании человека военной внешности и выправки, который в тот вечер, когда началась эта история, стоял, наклонившись над калиткой у сельской дороги одного графства в восточной Англии, рассеянно глядя на поле спелой ржи.

Это был человек своеобразной внешности, довольно потрепанный жизнью, на вид лет сорока с небольшим. И все же он нёс на себе ту безошибочную печать достоинства и самоуважения, которая, если и не принадлежит исключительно ему, по-прежнему является одним из отличительных свойств английского джентльмена. Он был некрасив лицом – можно даже сказать, несколько уродлив. Ни длинных усов, ни миндалевидного разреза глаз, ни аристократического вида полковника из романов... а наш мечтатель, да, был именно полковником. Вместо всего вышеперечисленного имелись – увы, и здесь мы не погрешим против истины – довольно колючие бакенбарды песочного цвета, маленькие, но добрые голубые глаза, широкий лоб, изборожденный глубокими

морщинами, подобными тем, что можно увидеть на бюстах Юлия Цезаря, и длинный тонкий нос.

Имелась у него, однако, и одна приятная черта – губы такой нежности и красоты, что расположенные над квадратным и весьма мужественным подбородком, они казались там нелепо неуместными.

– Хм, – однажды сказала его старая тетушка, миссис Мэсси (которая недавно умерла и оставила ему все свое имущество), впервые увидев его тридцать пять лет назад. – Хм! Природа собиралась сделать из тебя красивую девочку, но передумала после того, как закончила рот. Ну, ничего, лучше быть некрасивым мужчиной, нежели красивой женщиной. Так что не переживай, мой мальчик! Мне нравится твое уродливое лицо!

Надо сказать, что в этом старушка была не одинока, ибо, хотя лицо полковника Гарольда Кварича и было некрасиво, люди находили в нем нечто притягательное, стоило им привыкнуть к его суровым манерам и хмурому выражению. Что именно это было, определить довольно трудно, но, возможно, ближе всего к истине будет назвать это светом чистоты, который, несмотря на расхожее мнение противоположного толка, можно встретить на лицах мужчин столь же часто, что и на лицах женщин.

Глядя на полковника Кварича, любой мало-мальски проницательный человек должен был почувствовать, что он находится в обществе хорошего человека, – не ханжи, и не ма-

менькиного сынка, но человека, который благодаря размышлениям и борьбе, оставившим на нем свою печать, состоялся как личность, – человека, умеющего за себя постоять; того, кого приличные люди уважали, а злодеи побаивались. Мужчины это чувствовали. Он был популярен среди сослуживцев, хотя и не допускал панибратства. А вот женщины не проявляли к нему интереса. Как правило, они либо боялись, либо недолголюбивали его. Его присутствие раздражало наиболее легкомысленных представительниц их пола, которые смутно понимали, что его природа им антагонистична, более же серьезные особы отказывались его понимать. Возможно, именно поэтому полковник Кварич так и не женился, и после двадцати пяти лет у него не было ни с кем любовных отношений.

И все же сейчас, когда он, опершись на калитку, смотрел на поле спелой ржи, волнующееся, как золотое море под порывами ветра, его мысли занимала женщина. До этого полковник Кварич дважды бывал в Хонэме, один раз – десять лет, а второй раз – четыре года назад. Теперь он приехал, чтобы обосноваться там навсегда. Его старая тетушка, миссис Мэсси, владела в деревне домом, вернее, крошечным домиком под названием Хонэм-Коттедж, или Моулхилл, и в обоих вышеупомянутых случаях он приезжал проведать ее. Теперь миссис Мэсси была мертва и ее косточки покоились в могиле.

Она завещала ему дом, и Кварич с некоторой неохотой

вышел в отставку, поскольку не видел для себя в армии дальнейших перспектив, и переехал сюда. Это был его первый вечер на новом месте, ибо полковник прибыл последним поездом накануне вечером. Весь день он был занят тем, что пытался навести в доме порядок, и теперь, сильно устав, отдыхал, наклонившись над калиткой. Это был, хотя многие люди вряд ли в это поверят, один из самых восхитительных и, безусловно, один из самых недорогих видов отдыха в мире.

И пока Кварич стоял, опершись на калитку, перед его мысленным взором возникло женское лицо, что довольно часто случалось с ним последние пять лет. Пять лет миновало с тех пор, как полковник впервые это лицо увидел, и все эти пять лет он провел в Индии и Египте, за исключением шести месяцев его пребывания в госпитале вследствие удара арабского копья в бедро.

Это лицо возникало перед Кваричем в самых разных местах и при самых разных обстоятельствах: во сне, в часы бодрствования, в офицерской столовой, на охоте и даже в пылу битвы. Он хорошо это помнил... это было в Эль-Тебе². Случилось так, что суровая необходимость вынудила его застрелить человека. Пуля сразила врага, и тот, несколько раз дернувшись, упал на землю бездыханным. Полковник смотрел, как застреленный умирает, и не мог ничего с собой сде-

---

² Битва при Эль-Тебе – два сражения в 1884 г. на побережье Красного моря: первое – разгромное нападение суданских повстанцев-махдистов на египетские войска и английских офицеров (4 февраля), и ответное – разгром махдистов британскими войсками (29 февраля).

лать: он стоял, как будто замороженный, глядя на результат движения собственной руки до самого его жуткого завершения, и, воистину, завершение и начало были очень близки друг к другу.

Ужас этого зрелища, ужас от того, что он был вынужден сделать, защищая собственную жизнь, наполнил его отвращением даже в пылу битвы, и даже тогда, поверх этого жуткого, искаженного предсмертной мукой лица, словно маска, закрывая его собой, возникло другое – лицо этой женщины. И вот теперь оно появилось снова, вдохновив Кварича на довольно банальные размышления относительно неизменности вещей и впечатлений, с которых и начинается наша история.

Пять лет – это хороший срок странствий человека по миру. За это время с нами случаются многие вещи. Если бы вдумчивый человек взял на себя труд записать все впечатления, которые попадают в его сознание в тот период, он бы наполнил библиотеку множеством томов, один только пересказ событий занял бы целую полку. И все же, как они незначительны, если оглянуться назад! Казалось, он еще вчера наклонился над этой самой калиткой и, повернув голову, увидел юную девушку в черном, которая, заткнув за пояс веточку жимолости, с палкой в руке, неторопливо шла по дороге.

Было в этой девушке нечто такое, что поразило его, даже когда она была еще далеко, – достоинство, грация и гордые плечи. Затем, когда она подошла ближе, он разглядел мягкие

темные глаза и волнистые каштановые волосы, так странно и эффектно оттенявшие ее бледное лицо с крупными, выразительными чертами. Это не было красивое лицо: рот был слишком велик, а нос не так прям, как хотелось бы, но чувствовалась за ее широким лбом мощь ума, а ее черты несли несомненную печать силы и благородства, странным образом впечатлившие нашего героя.

Случилось так, что в тот момент, когда она подошла к тому месту, где он стоял, налетевший порыв ветра – надо сказать, день был довольно ветреным – сорвал с головы дамы шляпку и забросил ее по ту сторону живой изгороди. И наш герой, словно при исполнении служебных обязанностей, перелез в поле и вернул девушке ее головной убор. Одарив его быстрой улыбкой и огоньком в карих глазах, она удостоила его благодарным кивком и пошла дальше.

Да, удостоила кивком и пошла дальше. Он же еще долго смотрел ей вслед, глядя, как она идет по дороге, пока ее силуэт не растворился в грозовом свете заката. Вернувшись в дом, он описал ее своей старой тетушке и спросил, кто она такая. Так он узнал, что это была Ида де ла Молль (да, звучит как имя из романа), единственная дочь старого сквайра из замка Хонэм. На следующий день полковник уехал в Индию и с тех пор больше не видел мисс де ла Молль.

И вот теперь Кварич задавался вопросом, что с ней стало. Возможно, она вышла замуж – такая яркая внешность почти наверняка привлечет внимание мужчин. Но, в конце концов,

какая ему разница? Он не собирался обзаводиться супругой: женщины как класс мало интересовали его, если не сказать, что он их вообще не любил. Как уже было упомянуто, он никогда не был женат и с двадцати пяти лет даже не имел ни с кем любовных отношений. Но хотя Кварич не был женат, однажды – до того, как ему исполнилось двадцать пять лет, – он едва не совершил этот шаг.

Это было двадцать лет назад, и никто толком не знал эту историю, потому что за двадцать лет многие вещи, к счастью, забываются. Но история была, равно как и последующий скандал, и помолвка была расторгнута едва ли не в тот день, когда должна была состояться свадьба. И после этого поползли слухи, что молодая женщина, которая, кстати, была наследницей внушительного состояния, сошла с ума, предположительно от горя, и была помещена в лечебницу для душевнобольных, где, как полагали, она оставалась и по сей день.

Он вернул девушке ее головной убор

Возможно, мысль о лице этой женщины, о женщине, которую он видел давно, когда она шла по дороге, и ее силуэт вырисовывался на фоне грозового неба, заставила его вспомнить другое лицо, скрытое за стенами сумасшедшего дома.

Во всяком случае, со вздохом или, вернее, стоном, он резко отошел от калитки и быстрым шагом направился в дом.

Дорога, по которой он шел, известна под названием «дорога длиной в милю». В старину это была подъездная дорога к воротам замка Хонэм, родового гнезда древнего и знатного семейства де ла Молль (иногда в истории и в старых документах можно встретить написание «Деламоль»). В наши дни сам замок Хонэм являет собой руины, с барским домом, построенным из древних развалин с одной стороны его внутреннего двора. Широкая дорога, что ответвляется к нему от главной дороги из Бойсингема³, местного провинциального городка – типичная сельская не мощенная дорога.

Полковник Кварич шагал по ней, пока не вышел на главную дорогу, где свернул. Несколько минут ходьбы привели его к выезду с главной дороги слева, если стоять лицом к Бойсингему. Это ответвление длиной около трехсот ярдов поднималось вверх по довольно крутому склону к собственному дому полковника, Хонэм-Коттеджу, или Моулхиллу⁴, как называли его местные жители, – название, призванное создать впечатление аккуратного домика из красного кирпича под черепичной крышей. На самом же деле ничего подоб-

---

³ Говорят, что он был назван в честь семьи Буасси, на чьей наследнице некий де ла Молль женился в четырнадцатом веке. Однако поскольку один из старых летописцев упоминает город Бойсингем, это кажется маловероятным. Вне всякого сомнения, это семья получила свое имя по названию города или деревни, а не город от семьи. – *Примечание автора.*

⁴ Molehill – кротовая нора, кротовина (*англ.*).

ного там не было. Это была постройка пятнадцатого века, и чтобы это понять, достаточно было взглянуть на ее массивные каменные стены.

В древние времена в Бойсингеме, в двух милях отсюда, имелось большое аббатство, которое, как свидетельствуют хроники, ужасно пострадало от вспышки чумы в пятнадцатом веке. После этого монахи получили десять акров земли, известной под названием Моулхилл, пожалованные им тогдашним де ла Моллем и названной так не то по причине сходства с кротовиной (о чем речь пойдет ниже), не то в честь семьи. На этом возвышенном месте, которое, похоже, считалось необычайно полезным для здоровья, они построили маленький домик, ныне называемый Хонэм-Коттедж, в котором можно было укрыться в случае очередной вспышки чумы.

И каким они построили его, с некоторыми небольшими дополнениями, он и остался до наших дней, потому что в те времена люди не экономили на камне, дубе и извести. Это было небольшое, но красивое место на плоской вершине внушительного холма, которое включало в себя десять акров пастбищных угодий, первоначально предоставленных аббатству, и, как ни странно, до сих пор оставалось самым великолепным лесистым участком во всей этой местности.

Ибо на десяти акрах луга росло более пятидесяти огромных дубов, и некоторые из них – еще с самой глубокой древности, а другие, те, что, без сомнения, изначально росли

очень близко друг к другу, имели прекрасные высокие стволы, внушительные в объёме. Это место тетушка полковника Кварича, старая миссис Мэсси, приобрела почти тридцать лет назад, когда овдовела, и теперь, вместе со скромным доходом в двести фунтов годовых, оно, согласно ее завещанию, перешло к нашему герою.

Страхнув с себя печальные мысли, Гарольд Кварич обернулся к своей парадной двери, чтобы полюбоваться пейзажем. Как уже было сказано, длинный одноэтажный дом стоял на вершине холма, а с юга, а также с запада и востока открывался прекрасный вид, какой только можно увидеть в округе. Там, примерно в миле к югу, посреди травянистых пастбищ, по-прежнему охраняемые с обеих сторон высокими башнями, хмурили брови массивные ворота старого нормандского замка.

Далее к западу, почти у подножия Моулхилла, склон уходил вниз лесистым оврагом, который плавно спускался в живописную долину реки Элл. Здесь серебристая речка, извиваясь, прокладывала себе путь через зеленые, окаймленные тополями болота, где коровы стояли по колена в цветах. Далее она протекала мимо причудливых деревянных мельниц, через продуваемый всеми ветрами Старый Бойсингемский луг, расцветенный то здесь, то там золотистым утесником, теряясь вдаль под живописным скоплением красных черепичных крыш древнего города. Куда бы вы ни бросили взгляд, вам открывался прекрасный вид, как и любой другой

в восточных графствах, чей пейзаж прекрасен на свой особый лад, что бы ни утверждали скептики, чье воображение настолько слабо, что им нужны горы и бурный поток, чтобы возбудить в них восхищение.

За домом с севера не было никакого вида, и на то имела веская причина, ибо здесь, в самом центре заднего сада, возвышалась насыпь внушительного размера и любопытной формы, которая полностью закрывала собой пейзаж. Что это за курган, который занимал половину акра земли, никто толком не знал. Некоторые ученые люди считали его древним саксонским погребальным курганом, что отчасти подтверждало его древнее название – Гора Мертвеца. Другие, еще более ученые, объявили, что это древнее британское жилище, и с видом триумфаторов указывали на пустоту в верхней его части, внутри которой древние британцы якобы перемещались, жили и вели хозяйство – как утверждала противоположная сторона – в вечной промозглой сырости.

В результате покойная миссис Мэсси, ярая сторонница теории британского жилища, решила с триумфом продемонстрировать, *как* они жили в этой норе, для чего построила над ней огромную грибовидную крышу, тем самым превратив нору в летний домик, который по причине неожиданных трудностей при строительстве крыши, обошелся ей в немалую сумму. Но поскольку крышу покрыли черепицей, после чего возникла необходимость выложить полость изнутри кафелем и прорезать в нем канавки для стока воды, окон-

чательный результат плохо годился для использования его в качестве образца жилища той эпохи, что предшествовала римскому завоеванию. Летний домик из него так же вышел весьма посредственный. Так что теперь он служил складом для инструментов садовника и разнообразного хлама.

Глава II

Полковник Кварич встречает сквайра

Пока полковник Кварич созерцал эти разнообразные красоты и размышлял о том, что в целом ему повезло приехать сюда и поселиться в Хонэм-Коттедже, его внезапно напугал громкий голос, приветствовавший его с расстояния примерно двадцати ярдов с такой редкой энергией, что он даже вздрогнул.

– Полковник Кварич, я полагаю, – сказал, или, скорее, пророкотал голос откуда-то с дороги.

– Да, – мягко ответил полковник, – это я.

– Я так и подумал. Военного человека видно с первого взгляда. Извините, но я отдохну минутку. Этот последний подъем необычайно крутой. Я всегда говорил моей дорогой старой знакомой, миссис Мэсси, что в этом месте ей следует немного срезать холм. Ну, вот и все. – И, сделав нескольких тяжелых шагов, вечерний гость вышел из тени деревьев в свет заката, игравшего бликами на террасе перед домом.

Полковник Кварич с любопытством поднял голову, чтобы увидеть, кто же он, обладатель этого трубного гласа, и его взгляду предстал прекрасный образец человеческого рода, какого он не видел долгое время. Мужчина был стар, судя по

его седым волосам, лет семидесяти, но это был единственный признак его возраста. Он был крепок, широк в плечах, толст и силен, с острым, пронзительным взглядом и правильными чертами лица, чисто выбритый, то есть той породы, которую в романах обычно называют аристократической. Иными словами, лицо это указывало и на рождение, и на воспитание. Одетый в свободные одежды из твида и гигантские сапоги, вечерний гость стоял, опираясь на длинную палку и отдыхая после утомительного подъема на холм. Гарольд Кварич подумал, что никогда еще не видел столь совершенный образчик типичного английского сельского джентльмена, каким английский сельский джентльмен когда-то был.

– Как поживаете, сэр, как поживаете?.. Меня зовут де ла Молль. Мой доверенный, Джордж, который знает дела всех, кроме своих собственных, сказал мне, что вы приехали сюда, и я подумал, что пойду и окажу себе честь знакомства с вами.

– Это весьма любезно с вашей стороны, – учтиво ответил полковник.

– Вовсе нет. Если бы вы только знали, как необычайно скучно в этих краях, вы бы этого не сказали. Здесь теперь всё не так, как раньше, в годы моего детства. Есть много богатых людей, но это люди не той породы. Да, все не так, как раньше, причем, во многих отношениях. – И старый сквайр вздохнул и задумчиво снял белую шляпу, из которой выпали обеденная салфетка и два карманных носовых платка, что напомнило полковнику Кваричу кульминацию номера фокусника.

– Вы что-то уронили, какие-то лоскутки, – сказал он, наклонившись, чтобы поднять таинственные предметы.

– О, да, спасибо, – ответил его новый знакомый. – Я нахожу солнце немного жарким для этого времени года. Ничто так не спасает от него, чем несколько носовых платков или полотенце. – С этими словами он скатал полотенце и платки в комок и, втиснув его обратно за тулью, надел шляпу на голову таким образом, чтобы сзади свисали около восьми дюймов белой салфетки. – Вы наверняка чувствовали это в Египте, – продолжил он, – я имею в виду солнце. Там скверный климат, в этом Египте, как у меня есть веские основания знать. – И он вновь указал на свою белую шляпу, которую, как только сейчас заметил Гарольд Кварич, опоясывала черная лента.

– Я вижу, – сказал он, – вы понесли утрату.

– Да, сэръ, весьма тяжелую утрату.

Надо сказать, что полковник Кварич никогда не слышал, чтобы у мистера де ла Молля были еще дети помимо Иды де ла Молль, юной леди, чье лицо так сильно запечатлелось в его памяти, хотя он едва ли говорил с ней в тот раз пять долгих лет тому назад. Неужели она умерла в Египте? Эта мысль заставила его вздрогнуть от ужаса, хотя, разумеется, не было ни одной веской причины тому, почему такого не могло быть. Смерть – обычная вещь.

– Надеюсь это не... не мисс де ла Молль? – спросил он нервно и поспешил добавить. – Я имел удовольствие видеть

ее однажды, много лет назад, когда гостил здесь несколько дней у своей тетушки.

– О, нет, не Ида, она жива и здорова, слава Богу. Ее брат Джеймс. Он прошел через эту жуткую войну, которой мы, осмелюсь сказать, обязаны мистеру Гладстону (хотя мне не известны ваши политические взгляды), а затем подхватил лихорадку, или же, вероятно, получил солнечный удар и умер по дороге домой. Бедный мальчик! Он был прекрасный молодой человек и мой единственный сын, но крайне безрассудный. Всего за месяц или около того, до того, как он умер, я написал ему, чтобы он не забывал класть в шлем полотенце, и он ответил мне со свойственным ему легкомыслием, что не собирается превращаться в сумку для грязного белья, и что ему даже нравится жара. Да, он погиб, бедняга, служа своей стране, как и многие его предки до него, и теперь его больше нет.

И старик вновь вздохнул, на этот раз тяжело.

– А теперь, полковник Кварич, – продолжал он, с удивительной быстротой стряхивая с себя печаль, – что вы скажете на мое приглашение прийти в замок на ужин? Вы наверняка еще здесь не обустроились, и старая миссис Джобсон, которую, как сказал мне мой человек Джордж, вы наняли заботиться о вас, будет только рада избавиться от вас сегодня вечером. Что скажете? Как говорится, чем богаты, тем и рады. Если не ошибаюсь, за неимением лучшего на ужин будет баранья нога, потому что я видел, как вместо того, чтобы за-

ниматься своими делами, Джордж этим утром укатил в Бойсингем. По крайней мере, так он мне сказал, хотя, подозреваю, что это лишь отговорка. Просто ему требовался повод, чтобы всласть посплетничать и побездельничать.

– Как вам сказать?.. – ответил полковник. – Вы очень любезны, но, боюсь, мой гардероб еще не распакован.

– Ваш гардероб! О, не думайте о вашем гардеробе! Ида простит вас, вот увидите. Кроме того, у вас нет времени на переодевание. Разрази меня гром, уже почти семь часов, и нам надо поторопиться, если, конечно, вы идете со мной!

Полковник задумался. Он собирался поужинать дома, и, будучи человеком методичным, не любил менять свои планы. К тому же, он, как и большинство военных, был крайне требователен к своей одежде и внешнему виду и не хотел бы явиться на ужин в охотничьей куртке. Но, несмотря на все это, чувство, которое он не совсем понимал, и которое озадачило бы даже американского романиста, пожелай тот его проанализировать, – нечто среднее между тревогой и любопытством с примесью магнетического влечения одержало верх над его сомнениями, и он принял приглашение сквайра.

– Что ж, спасибо, – сказал он, – если вы уверены, что мисс де ла Молль не станет возражать, я приду. Лишь позвольте мне предупредить миссис Джобсон.

– Вот и отлично, – крикнул ему в спину сквайр, – буду ждать вас позади дома. Нам лучше пройти через поля.

К тому времени, когда полковник, сообщив экономке, что

он не будет ужинать дома, и наспех причесав свои не слишком пышные кудри, дошел до сада позади дома, сквайра нигде не было видно. Вскоре, однако, с вершины похожего на погребальный курган холма, донесся трубный глас, возвестивший о его местонахождении.

Удивившись, что мог делать там старый джентльмен, Гарольд Кварич поднялся по ступенькам на вершину кургана, где увидел сквайра, стоявшего у входа в летний домик в форме гриба.

– Взгляните, полковник, – сказал он, – где еще вы увидите такую красоту! Да что там какие-то Шотландия и Альпы! Дайте мне осенним вечером взглянуть на долину Элл с вершины Горы Мертвеца, и мне не нужно ничего лучше. Я всегда любил ее, еще мальчишкой, и пока жив, не разлюблю – посмотрите вон на те дубы! Ни в одном другом графстве, какие я знаю, вы не найдете таких деревьев. Старушка, ваша тетя, их просто обожала. Надеюсь, – продолжал он с беспокойством в голосе, – надеюсь, вы не намерены их вырубать.

– О нет, – заверил его полковник, – мне такое и в голову бы не пришло.

– И это правильно. Ни за что не рубите хорошее дерево, если в том нет крайней необходимости. Должен сказать, однако, – добавил он, помолчав, – что сам я был вынужден срубить довольно много деревьев. Странное место, не так ли? – продолжил он, отбрасывая тему, очевидно, болезненную для него. – Гора Мертвеца, как называют ее местные жители.

Кстати, ее так называли еще во времена нормандского завоевания, как я могу вам легко доказать, ибо это говорится в древних хрониках. Я всегда полагал, что это погребальный курган, но в последние годы множество ученых людей клянутся, что это древнее британское жилище, как будто древние британцы или кто-то другой на их месте могли жить в такой сырости.

Впрочем, они сумели-таки убедить вашу старую тетушку, которая, между прочим, прошу прощения за мои слова, была на редкость упрямой старухой, стоило ей что-то втемяшить себе в голову – и поэтому она принялась за работу и построила над ямкой этот черепичный гриб, что обошлось ни много, ни мало в двести пятьдесят фунтов. Боже мой! Никогда не забуду ее лицо, когда она увидела счет! – И старый джентльмен разразился громогласным смехом, какого Гарольд Кварич не слышал уже давно.

– Да, – согласился он, – это странное место. Думаю, однажды я проведу здесь раскопки.

– Разрази меня гром, – сказал сквайр, – мне бы такое даже в голову не пришло. Это стоило бы сделать. Кстати, уже двадцать минут восьмого, а мы ужинаем в половину восьмого. Мне точно влетит от Иды. Да-да, полковник Кварич, вы даже не представляете, что это такое – иметь дочь. Когда вы опаздываете на ужин, дочь – серьезное дело для любого мужчины. – И он поспешил вниз с холма.

Очень скоро, однако, он как будто забыл про ожидав-

шую его выволочку и зашагал неторопливо, останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться каким-нибудь дубом или видом; и все это время разглагольствовал, хотя и несколько бесцельно, что однако ни в коем случае не было лишено своего обаяния. Он был идеальным спутником для такого молчуна, как Гарольд Кварич, предпочитавшего слушать разговоры других людей.

Таким образом, они спустились с холма и, миновав пару пшеничных полей, вышли к череде широких лугов, поросших редкими деревьями. Через них тропинка привела наших героев напрямик к мрачным воротам древнего замка, чей силуэт грозно маячил перед ними на фоне румяного закатного неба.

– Какое прекрасное старое место, полковник, не правда ли? – произнес сквайр, услышав, как с уст его спутника сорвалось восхищенное восклицание, как только внезапный поворот вывел их к нормандским руинам. – История – вот что это такое, история в камне и в извести. Это историческая земля, каждый ее дюйм. Эти старые де ла Молли, мои предки и предшествовавшие им Буасси были великими людьми своего времени, и они любили свое родовое гнездо. В воскресенье я покажу вам их могилы вон в той церкви. Я всегда мечтал быть похороненным рядом с ними. Увы, теперь это невозможно из-за закона. В любом случае я надеюсь найти местечко как можно ближе.

Хочется быть рядышком с этими старыми баронами, хо-

тя сдается мне, что при жизни это были сушие разбойники. Посмотрите, как гордо эти башни высятся на фоне неба. Они всегда напоминают мне людей, которые их построили, – крепких, властных, не привыкших сдаваться перед напором невзгод, людей, которым, пока они не попали в лапы к священнику, не был страшен ни человек, ни дьявол. Что ж, упокой Бог их души, какими бы ни были их недостатки, они помогли создать Англию. Странное место для замка, вы не находите? Посреди открытой равнины.

– Думается, они полагались на ров и стены, а также на кустарник на дне сухого рва, – сказал полковник. – Видите, здесь нет ни одной высокой точки, с которой бы просматривалась местность, и их лучники не могли обстреливать неприятеля со стен.

– Еще как могли. Сразу видно, что вы солдат. Они не были дураками, эти старые крестоносцы. Честное слово, нам нужно поторопиться. На западной башне уже спускают флаг. Я велел всегда спускать его на закате. – И старик снова зашагал бодрым шагом.

Еще через три минуты они пересекли узкую дорогу и торопливо зашагали по древней дороге, ведущей к воротам замка. Подъездной дорогой ее было трудно назвать, но вдоль нее все еще высились с полдюжины старых дубов, которые несомненно стояли здесь еще до нормандца Буасси, у чьей семьи много веков назад некий де ла Молль приобрел этот лен, женившись на их наследнице, а с леном приобрел и свой

установ, и вырыл первый участок рва.

Прямо перед ними были ворота замка, по бокам которых застыли две высокие башни. За исключением нескольких руин, это было фактически все, что осталось от древнего сооружения, разрушенного во время Кромвеля. Внутреннее пространство, где когда-то стояла крепость, теперь занимал цветник, а весьма непритязательного вида дом, построенный в стиле короля Иакова, занимал южную сторону площади и был повернут задней стеной ко рву.

– Видите ли, я практически восстановил обе башни, – сказал сквайр, замедлив шаг под нормандской аркой. – Не сделай я этого, – добавил он, как будто извиняясь, – они бы сейчас лежали в руинах, хотя, скажу честно, их восстановление стоило мне немалых денег. Никто не знает, что делать с этой старой каменной кладкой, пока сам не попробует. Зато теперь они простоят долго. Ну, вот мы и пришли. – И он толкнул входную дверь, затем, преодолев несколько ступеней и коридор, шагнул в вестибюль с дубовыми панелями, увешанный гобеленами, которые вне всякого сомнения когда-то украшали стены старого замка, а также доспехами, наконечниками копий и древними мечами.

И тут Гарольд Кварич вновь увидел лицо, которое преследовало его на протяжении многих месяцев.

Глава III

стория сэра Джеймса де ла Молля

– Это ты, отец? – спросил голос, нежный женский голос, в котором, однако, слышалось раздражение, естественное для здоровой женщины, которую заставили ждать ужин. Голос донесся из глубины темной комнаты, окутанной вечерними сумерками, и, посмотрев в его сторону, Гарольд Кварич увидел очертания высокой фигуры, сидящей на старом дубовом стуле, скрестив на груди руки.

– Это ты, отец? Нехорошо опаздывать на ужин – особенно после того, как ты вчера вечером отчитал несчастную Эмму за то, что она опоздала на пять минут. Я жду так долго, что почти уснула.

– Извини, моя дорогая, – очень виновато сказал старый джентльмен, – но... стой! Я ударился головой... эй, Мэри, принеси мне огня!

– Вот огонь, – сказал голос, и одновременно чиркнула спичка.

В следующее мгновение загорелась свеча, а владелица голоса повернулась, держа ее таким образом, что свет окружал ее наподобие ореола. Взгляду Гарольда Кварича предстало лицо, которое никогда не покидало его воспоминаний. Тот же широкий лоб, та же благородная внешность, те же карие

глаза и мягкие волнистые волосы.

Но девичество исчезло из них, теперь это было лицо женщины, которая знала, что такое жизнь, и находила это не слишком легким. Оно также утратило часть своей былой мечтательности, как подумал наш герой, хотя и приобрело силу ума. Что касается фигуры, то та была гораздо восхитительнее лица, которое, строго говоря, трудно было назвать красивым. Фигура же была, несомненно, прекрасна. Крайне сомнительно, что многие женщины могли бы похвастаться лучшей. Ида де ла Молль была крупной, сильной женщиной, но присутствовала в ней некая изящная грация, которая столь же редка, как и привлекательна. Сейчас ей было почти двадцать шесть лет, но она, еще не начав увядать, как то положено судьбой, которая настигает всех незамужних женщин после тридцати лет, была в своей самой лучшей поре. Взглянув на ее гордо посаженную голову, идеальную шею и руки (поскольку она была в вечернем платье) и статную фигуру, Гарольд Кварич подумал про себя, что никогда не видел более благородной женщины.

– Но, мой дорогой отец, – продолжала она, наблюдая за пламенем свечи, – кто, как не ты суетился сегодня утром по поводу того, чтобы ужин подавался точно в половине восьмого, а сейчас уже восемь часов, а ты еще не переоделся. Этак можно испортить любого повара. – И она, впервые увидев, что отец не один, умолкла.

– Да, моя дорогая, да, – отвечал старый джентльмен, –

так оно и было. Человеку свойственно ошибаться, особенно по поводу ужина в такой чудесный вечер. Кроме того, я загладил свою вину и привел тебе гостя, нашего нового соседа полковника Кварича. Полковник Кварич, позвольте представить вам мою дочь мисс де ла Молль.

– Если не ошибаюсь, мы уже встречались раньше, – сказал Гарольд, слегка нервничая, и протянул руку.

– Да, – подтвердила Ида, взяв ее, – отлично помню. Это было на дороге пять лет назад, в ветреный день, когда моя шляпка улетела через изгородь, и вы отправились ловить ее.

– У вас хорошая память, мисс де ла Молль, – сказал Гарольд, чувствуя немало радости от того, что этот случай ей запомнился.

– Очевидно, не лучше вашей, полковник Кварич, – последовал быстрый ответ. – К тому же здесь встречаешь так мало незнакомых людей, что они, естественно, запоминаются. Здесь у нас ничего не происходит – время проходит, вот и все.

Тем временем старый сквайр, который жутко суетился по поводу своей шляпы и палки, которую он умудрился с грохотом уронить на каменные ступени, отправился переодеться, бросив на ходу Иде, чтобы она приказала подавать ужин, так как он будет через минуту.

Соответственно, она позвонила в колокольчик и велела горничной через пять минут принести суп и поставить еще один прибор. Затем, повернувшись к Гарольду, рассыпалась

перед ним в извинениях.

– Не могу сказать, какой ужин вам подадут, полковник Кварич, – сказала она. – Со стороны моего отца это просто некрасиво. Он никогда не предупреждает, что собирается пригласить кого-то на ужин.

– Нет-нет, – поспешно ответил он. – Это я должен извиниться, я свалился на вас как... как...

– Как волк на овец, – предложила Ида.

– Да-да, именно так, – искренне продолжил полковник, глядя на свою куртку, – но не в пурпуре и золоте.

– Боюсь, – продолжала она, смеясь, – что вас не слишком хорошо накормят за все ваши труды, а насколько я знаю, солдаты – любители плотно поужинать.

– Откуда вы это знаете, мисс де ла Молль?

– О, от бедного Джеймса и его друзей, которых он привозил сюда. Кстати, полковник Кварич, – продолжила она, и ее голос чуть дрогнул, – вы были в Египте, я знаю, потому что я так часто видела ваше имя в газетах. Вы когда-нибудь встречали там моего брата?

– Я немного его знал, – ответил он. – Но только совсем немного. Я не знал, что он ваш брат или, если на то пошло, что у вас был брат. Он был бравым офицером.

Чего полковник однако не сказал, так это, что Джеймс де ла Молль был одним из самых сумасбродных и экстравагантных молодых людей в экстравагантном полку, и по этой причине Кварич избегал его общества в тех немногих случаях,

когда судьба сводила их вместе. Возможно, Ида, с ее женским чутьем, догадалась по его тону, что за этим замечанием что-то стоит, во всяком случае, она не стала спрашивать полковника о подробностях их короткого знакомства.

– Он был моим единственным братом, – продолжила она. – Нас всегда было только двое, и, конечно, его смерть стала для меня большим ударом. Отец так и не оправился от него, хотя... – и она внезапно умолкла и положила голову на руку.

В этот момент они услышали, как сквайр спускается по лестнице, крича что-то на ходу слугам.

– Тысяча извинений, моя дорогая, тысяча извинений, – проревел он, входя в комнату, – но если ты простишь мне подробности, я был совершенно не в состоянии обнаружить местонахождение некой необходимой части мужского гардероба. А теперь, полковник Кварич, вы возьмете под руку мою дочь? Впрочем, стоп, вы не знаете дорогу – давайте лучше я вас поведу.

С этими словами он вышел из вестибюля и, повернув налево, повел их по длинному коридору в столовую. Это помещение с его дубовыми панелями было похоже на вестибюль, но стены здесь были увешены фамильными и прочими портретами, включая весьма любопытную картину самого замка в том виде, как тот выглядел до его разрушения во времена Кромвеля. Картина эта была написана на массивной дубовой доске и задумана в весьма причудливом и торжествен-

ном стиле. На переднем плане неизвестный художник изобразил оленей и лошадей, которые, согласно любому правилу пропорции, были примерно вдвое больше ворот замка. Очевидно также, что картина была древнее нынешнего дома, построенного в конце семнадцатого века, и, вероятно, была перенесена на свое теперешнее место из развалин замка.

Как бы то ни было, она давала весьма наглядное представление о том, каким было это родовое гнездо семейств Буасси и де ла Молль до того, как Круглоголовые сравняли его с землей. Сама столовая была вместительной, хотя и не большой. Свет проникал в нее через три узких высоких окна, выходящих на ров, а сама комната производила впечатление солидности и комфорта. Массивный стол из черного дуба, необычайной прочности и веса, дополнял буфет из того же материала и, очевидно, одного с ним времени, причем оба предмета мебели были, как гордо сообщал своим гостям мистер де ла Молль, реликвиями замка.

На этом буфете стояли несколько предметов старинного, массивного серебра, на каждом из которых были грубо выгравированы три сокола или герб семьи де ла Молль. Один предмет, очень старый поднос, украшал герб Буасси – раскидистый дуб на претенциозном геральдическом щите, призванный показать, что он здесь еще со времен того де ла Молля, который в правление Генриха Седьмого приобрел эти земли, женившись на наследнице рода Буасси.

Разговор за ужином, который, надо сказать, был довольно

прост, повернулся таким образом, что старый сквайр вручил Гарольду Кваричу поднос, чтобы он мог лучше его рассмотреть.

– Весьма любопытно, – произнес он. – И много у вас подобных вещей, мистер де ла Молль?

– Вообще-то нет, – ответил тот. – А жаль. Все остальное пропало во времена Карла Первого.

– Полагаю, пошло на переплавку, – предположил полковник.

– А вот и нет, что довольно странно. Вряд ли его переплавили. Скорее оно было где-то спрятано – я не знаю, где, или, возможно, его продали за деньги, а деньги спрятали. Но как только мы поужинаем, если вы не возражаете, я расскажу вам одну историю.

Соответственно, когда слуги сняли со стола скатерть и по старинке поставили вино на голую деревянную столешницу, сквайр начал свой рассказ, суть которого состояла в следующем.

– Во времена Якова Первого семья де ла Молль находилась на пике своего процветания, по крайней мере, в том, что касается денег. На протяжении нескольких предыдущих поколений представители семьи избегали любого активного участия в государственных делах и довольно скромно жили на доходы с земель, которые в то время были весьма обширны, и таким образом скопили состояние, которое для тех времен можно справедливо назвать баснословным. Та-

ким образом, сэра Стивен де ла Молль, дед сэра Джеймса, который жил во времена Якова Первого, завещал своему сыну, тоже Стивену, сумму не менее двадцати трех тысяч фунтов золотом. Этот Стивен был жутким скрягой, и, согласно преданию, он за свою жизнь устроил эту сумму. Во всяком случае, он умер богатым, как Крёз, будучи ненавидим как арендаторами, так и всеми местными жителями, что не удивительно, если учесть, что джентльмен столь громкого имени и положения, как этот сэра Стивен, запятнал себя столь позорным занятием, как ростовщичество.

– В следующем наследнике, сэре Джеймсе, старый дух де ла Моллей, похоже, возродился, хотя совершенно ясно, что он ни в коем случае не был расточителен, а наоборот, бережлив, и хотя и старался оставаться на высоте положения, в отличие от своего дяди, он отказывался пачкать руки таким подлым занятием. При дворе, вероятно, по причине своего богатства, он попал в фавор к Якову Первому, к которому постепенно проникся великой преданностью и у которого купил баронетство. Лучшим доказательством этой преданности является то, что он дважды давал королю в долг крупные суммы денег, которые никогда не были возвращены.

Однако при восшествии на трон короля Карла сэра Джеймс покинул двор при обстоятельствах, которые до сих пор не ясны. Говорят, что сочтя себя оскорбленным неким унижением своей чести, он довольно резко потребовал назад деньги, которые в свое время ссудил Якову. После чего король со

свойственным ему сарказмом поздравил его с тем, что дух его дяди, сэра Стивена де ла Молля, чье имя до сих пор было притчей во языцех, очевидно, воскрес в их в семье. Сэр Джеймс побелел от гнева, отвесил поклон и, не сказав ни слова, покинул двор, и больше не вернулся туда.

Прошли годы, и Гражданская война была в самом разгаре. Сэр Джеймс упрямо отказывался занимать в ней чью-либо сторону. Он так и не простил оскорбления, нанесенного ему королем, ибо, как и большинство представителей их рода, о которых говорили, что они никогда не прощали обид и никогда не забывали доброты, он был человек упрямый и поэтому не пошевелил даже пальцем в поддержку короля. Но еще менее он был расположен помогать Круглоголовым, которых ненавидел лютой ненавистью. Между тем время шло, и, наконец, загнанный в угол Карл, зная о его огромном богатстве и влиянии, был вынужден написать сэру Джеймсу письмо, обратившись к нему за поддержкой и особенно за деньгами.

«Мне рассказывают, – писал король в своем письме, – что сэр Джеймс де ла Молль, который прежде хорошо относился к нашей персоне и, особенно, к покойному королю, нашему святому отцу, бездействует, наблюдая за кровавой усабицей, и остается в стороне. Такое не свойственно древнему роду, коего он является потомком, чьи представители, если история не лжет, в прошлом всегда стояли бок о бок со своими королями, сражаясь за правое дело. Я также слышал, что сэр Джеймс де ла Молль, таким образом, держит-

ся особняком, не занимая ничьей стороны, из-за неких резких слов, которые мы обронили в безрассудной шутке много лет назад. Мы не знаем, правда ли это, сомневаясь в том, что память человека может быть такой долгой, но если это так, то тем самым мы просим его прощения, и это самое большее, что мы можем сделать. А теперь нашей короне грозит опасность, и нам крайне нужна помощь Бога и человека. Поэтому, если сердце нашего подданного, сэра Джеймса де ла Молля, не бунтует против нас, во что мы не можем с готовностью поверить, мы умоляем его оказать нам помощь людьми и деньгами, которых, как говорят, у него с избытком, и это письмо есть не что иное, как доказательство нашей крайней необходимости».

– Это, насколько я помню, те самые слова письма, написанного собственноручно королем, и они довольно ясно показывают, сколь безвыходным было его положение. Говорят, что читая его, сэр Джеймс забыл былую обиду и, будучи тронут, взял бумагу и поспешно написал ответ. Он действительно это сделал, так как я видел его письмо в музее. Его содержание таково:

«Господин мой, о прошлом я не буду говорить. Оно – в прошлом. Но поскольку вашему величеству угодно просить моей помощи против мятежников, готовых посягнуть на ваш трон, спешу заверить вас, что все, что у меня имеется, находится в распоряжении вашего величества до тех пор,

пока ваши враги не будут разбиты. Провидению было угодно, чтобы я скопил состояние, которое теперь спрятано в надежном месте, и будет там храниться до тех пор, пока не закончатся эти времена. Это весьма внушительная сумма золотом, из которой я тотчас же предоставляю десять тысяч монет в распоряжение вашего величества, как только будет обеспечен безопасный способ их передать, ибо я скорее умру, нежели позволю, чтобы эти большие деньги попали в руки мятежников и были потрачены на их черное дело».

Далее в письме говорилось, что его автор сразу же соберет из числа своих арендаторов конный отряд и что, если только не удастся найти иной удовлетворительный способ для доставки денег, он лично привезет их королю.

А теперь кульминационный момент этой истории. Гонец был схвачен и из-за голенища его сапога извлекли неосторожное письмо сэра Джеймса, и в результате не прошло и десяти дней, как его взяли в осаду пятьсот Круглоголовых под командованием некоего полковника Плейфэйра. Замок был плохо подготовлен к осаде, и, в конце концов, сэр Джеймс был вынужден сдаться, чтобы не умереть с голоду. Не успел полковник Плейфэйр войти в замок, как тотчас же послал за своим пленником, и, к великому удивлению сэра Джеймса, показал ему его собственное письмо королю.

– Итак, сэр Джеймс, – сказал он, – у нас есть улей, и я вы-

нужден попросить вас привести нас к меду. Где эти большие деньги, о которых вы здесь говорите? Я бы с удовольствием прибрал к рукам эти десять тысяч золотых монет, которые вы где-то так аккуратно припрятали.

– Да, – ответил старый сэр Джеймс, – у вас есть улей, но секрета меда у вас нет, и вы его не получите. Десять тысяч золотых монет лежат там, где они лежат, а с ними и кое-что еще. Найдите их, если это вам удастся, полковник, и возьмите, если сможете.

– Я найду их к завтрашнему утру, сэр Джеймс, в противном случае... в противном случае вы умрете.

– Я должен умереть – все люди умирают, полковник, но если я умру, мой секрет уйдет в могилу вместе со мной.

– Поживем, увидим, – мрачно ответил полковник, и старого сэра Джеймса ответили в темницу и посадили на хлеб и воду. Но он не умер ни на следующий день, ни на другой, ни даже через неделю.

Каждый день его приводили к полковнику, и под угрозой немедленной смерти допытывались о том, где спрятано сокровище. При этом ему не разрешали ни словом, ни жестом общаться ни с кем, кроме офицеров мятежников. Каждый день он отказывался говорить, пока, наконец, терпение его инквизитора не лопнуло, и сэру Джеймсу было откровенно сказано, что, если он не сообщит секрет, то на рассвете следующего дня его расстреляют.

Старый сэр Джеймс рассмеялся и заявил, что пристрелить

его они могут, но если он обогатит их сокровищами, то продаст свою душу дьяволу. После чего попросил принести ему Библию, чтобы он мог почитать ее и подготовиться к смерти.

И ему дали Библию и оставили одного. На следующее утро, на рассвете, отряд Круглоголовых вывел сэра Джеймса во двор замка, где его уже ждали полковник Плейфэйр и его офицеры.

– Ну а теперь, сэр Джеймс, ваше последнее слово, – сказал командир Круглоголовых. – Вы покажете нам, где спрятано сокровище, или вы предпочитаете умереть?

– Я ничего вам не покажу, – ответил старик. – Убивайте меня, если хотите. Поступок достойный святых пресвитеров. Я все сказал, и мое решение неизменно.

– Подумайте хорошенько, – предложил полковник.

– Я уже все обдумал, – ответил сэр Джеймс, – и я готов. Убивайте меня и ищите сокровище. Я попрошу лишь об одном. Моего юного сына здесь нет. Он уже три года во Франции и не знает, где я спрятал это золото. Пошлите ему эту Библию, когда меня не станет. Но сначала тщательно пролистайте ее страница за страницей. Там нет ничего, кроме надписи на последнем листе. Это все, что я могу ему дать.

– Книгу мы просмотрим, – ответил полковник, – и если в ней ничего не будет найдено, ее отправят во Францию. И теперь, именем Господа, я заклинаю вас, сэр Джеймс, не позволяйте любви к презренному металлу встать между вами и вашей жизнью. Я делаю вам последнее предложение. Сооб-

щите нам, где спрятаны эти десять тысяч фунтов, о которых вы говорите в этом письме... – и он поднял письмо королю, – и вы получите свободу... откажетесь – и вы умрете.

– Я отказываюсь, – ответил его пленник.

– Мушкетеры, приготовиться! – крикнул полковник, и группа солдат вышла вперед.

Но в этот момент налетел такой яростный шквал ветра, а вслед за ветром пошел такой сильный проливной дождь, что на какое-то время казнь пришлось отложить. Вскоре, однако, он прекратился, и с неба пролился холодный свет ноябрьского утра, осветив обреченного человека, в молитве стоящего на коленях в мокрой траве. С его седых волос и бороды стекала вода. Ему приказали встать, но он отказался и продолжал молиться. Поэтому они застрелили его... стоящим на коленях.

– Ну что ж, – сказал полковник Кварич, – во всяком случае, он умер как подобает доблестному дворянину.

В этот момент раздался стук в дверь и вошла горничная.

– Что такое? – спросил сквайр.

– Пришел Джордж, сэр, – ответила девушка, – говорит, что хочет вас видеть.

– Разрази его гром! – прорычал старый джентльмен. – Вечно ему от меня что-то нужно, не одно, так другое. Полагаю, речь пойдет о ферме у рва. Помнится, сегодня он собирался встретиться с Жантером. Вы извините меня, мистер Кварич? Моя дочь расскажет вам конец истории, если вам

интересно услышать больше. Я присоединюсь к вам в гостиной.

Глава IV

Конец истории

Как только ее отец ушел, Ида встала и предложила полковнику Кваричу, если он допил свое вино, перейти в гостиную, что они и сделали. Эта комната выглядела гораздо более современно, нежели вестибюль или столовая, и в ней чувствовался вкус юной леди девятнадцатого века. Тут были маленькие изящные столики, драпировки, фотографии в рамках и сто одна безделушка, с помощью которых дама со вкусом делает комнату привлекательной в глазах грубого мужчины. Это было весьма приятное место, эта гостиная в замке Хонэм, с ее уютными уголками и несколько выцветшими красками. Оно было освещено мягким светом затененной абажуром лампы и ее общим духом владений женщины.

Гарольд Кварич хотя и повидал большую часть мира, но видел не слишком много гостиных, да и дам в целом. Они не попадались на пути полковника, или, если и попадались, он их избегал. По этой причине он, возможно, был более восприимчив к таким воздействиям, когда оказывался в пределах их досягаемости. Или, возможно, именно присутствие Иды прибавляло этому месту очарования, в придачу к его естественной привлекательности, подобно тому, как фарфоровые чаши с лавандой и розовыми листьями добавляли воз-

духу аромата. Как бы то ни было, Кварич тотчас подумал, что ему редко доводилось видеть комнату, которая бы произвела на него столь сильное впечатление утонченности и умиротворения.

– Какая очаровательная комната, – сказал он, входя.

– Я рада, что вы так думаете, – ответила Ида, – потому что это моя территория, и я тут хозяйка.

– Да, – сказал он, – это видно с первого взгляда.

– Итак, вы желаете услышать конец истории про сэра Джеймса и его клад?

– Разумеется, она показалась мне весьма интересной.

– Знали бы вы, как интересна она мне! – воскликнула Ида. – Послушайте, и я вам расскажу. После того как они застрелили старого сэра Джеймса, они взяли у него Библию, но не ясно, отправил полковник Плейфэйр ее своему сыну во Францию или нет.

История эта хорошо известна, и нет никаких сомнений в том, что, как сказал мой отец, сэр Джеймс попросил, чтобы его Библию послали сыну во Францию, но не более того. Его сын, сэр Эдвард, так и не вернулся в Англию. После убийства его отца владения их семьи были захвачены парламентской партией, а старый замок, за исключением привратных башен, разрушен до основания, отчасти в военных целях, отчасти в результате длительных и упорных попыток найти клад старого сэра Джеймса, который, как считалось, мог быть спрятан в каком-то тайнике в стенах. Увы, все это

было бесполезно, и полковник Плейфэйр понял, что, позволив гневу взять над собой вверх и застрелив сэра Джеймса, он упустил свой единственный шанс найти клад, если таковой у него был, ибо, похоже, секрет умер вместе с его владельцем.

В то время эта история наделала много шума, и полковника за то, что он сделал, даже понизили в звании. Предполагалось, что у старого сэра Джеймса наверняка имелись сообщники в сокрытии такой огромной массы золота. Были предприняты все возможные меры – от угроз до обещаний вознаграждения, которое, в конце концов, выросло до половины всей суммы, какая только будет обнаружена – лишь бы заставить этих предполагаемых сообщников, если те действительно существовали, заявить о себе, но безрезультатно. Так продолжалось до тех пор, пока через несколько лет поиски сошли на нет, и о кладе забыли.

Между тем, сын сэра Эдварда, который был вторым и последним баронетом, скитался на чужбине, боясь или не желая вернуться в Англию, поскольку всё его имущество было конфисковано. Когда ему стукнуло двадцать два года, он заключил опрометчивый брак со своей кузиной, некой дамой по имени Ида Дофферли, девушкой благородного происхождения и редкой красоты, но без средств. Ида была сестрой Джеффри Дофферли, кузена и спутника в изгнании сэра Эдварда, и, как вы сейчас увидите, моего прямого предка. Увы, не прошло и года после заключения этого брака, как бедная

Ида, моя тетка, умерла вместе со своим ребенком от лихорадки, причинами которой были, как говорят, нужда и душевное беспокойство. Ее смерть, похоже, стала серьезным ударом для ее мужа. Во всяком случае, спустя три или четыре месяца после ее смерти он наложил на себя руки.

Но до этого он составил довольно сложное завещание, согласно которому все его владения в Англии, «ныне несправедливо отнятые у меня вопреки закону и естественному праву мятежным претендентом Кромвелем, вместе с кладом, спрятанным там или в любом другом месте моим покойным казненным отцом, сэром Джеймсом де ла Моллем», переходили к Джону Джеффри Дофферли, его кузену и брату его покойной жены, и далее его наследникам, при условии, что он примет имя и герб семьи де ла Молль, прямая ветвь которой вымерла вместе с ним самим. Конечно, это завещание на момент своего составления было не более чем пустой бумажкой, но не прошло и трех лет, как королем Англии стал Карл Второй.

После чего Джеффри Дофферли представил документ, и, приняв имя и герб де ла Моллей, сумел получить во владение развалины замка и значительную часть земельных владений, хотя баронетство вымерло. Именно его сын построил этот дом. Он же является прямым нашим предком. И хотя мой отец говорит о старых де ла Моллях так, как будто они наши предки, – простим ему эту слабость! – они не являются нашими прямыми предками по мужской линии.

– Скажите, – спросил Гарольд, – а Дофферли нашел клад?

– Нет, ни он, и никто другой. Клад исчез. Дофферли долго охотился за ним, но нашел лишь те серебряные изделия, которые вы видели сегодня вечером, тоже где-то спрятанные, я точно не знаю, где, но больше там ничего не было.

– Похоже, вся эта история – полная чепуха, – задумчиво произнес Гарольд.

– Нет, – возразила Ида, качая головой, – я уверена, что это правда, и клад спрятан где-то и по сей день. Послушайте, полковник Кварич, вы еще не слышали всю историю... я кое-что нашла.

– Вы что-то нашли?

– Погодите минутку, и я вам покажу. – И, подойдя к шкафу в углу, она открыла его и достала ящик для корреспонденции, который тоже открыла. – Вот, – сказала она, – я нашла ее. Библию, которую, как вы помните, до того как его застрелили, сэр Джеймс умолял отправить его сыну. – С этими словами она протянула ему небольшую коричневую книгу.

Кварич взял ее из рук у Иды и внимательно осмотрел. Книга была в кожаном переплете, а на обложке большими буквами было выведено: «*Сэр Джеймс де ла Молль. Замок Хонэм, 1611 год*». И это еще не всё. Первые листы Библии, которая была одним из ранних экземпляров версии (священного писания) короля Иакова, были вырваны. Верхний уголок также отсутствовал, по всей видимости, будучи отстрелен пулей, что подтверждало темное пятно крови на облож-

ке и краях страниц.

– Несчастный джентльмен, – сказал Гарольд, – должно быть, когда его застрелили, она лежала у него в кармане. Где вы ее нашли?

– Да, я тоже так думаю, именно так и было, – согласилась Ида, – вернее, я в этом даже не сомневаюсь. Я нашла ее еще будучи ребенком, в древнем дубовом сундуке в подвале западной башни, под грудой пыльного хлама и обломков старого железа. Но загляните в ее конец, и вы увидите, что он написал там своему сыну Эдварду. Давайте я вам покажу. – И, наклонившись над ним, она открыла книгу на последней странице. Между нижним ее краем и заключительной главой Откровения имелось небольшое пустое пространство, ныне плотно испещренное сделанными выцветшими чернилами каракулями, которые она зачитала вслух. Говорилось там следующее:

«Не горюй из-за меня, Эдвард, сын мой, что столь внезапно и жестоко приговорен я к смерти мятежными убийцами, ибо ничто не происходит, кроме как по воле Творца. А теперь прощай, Эдвард, пока мы не встретимся на Небесах. Деньги я спрятал, и из-за этого я умру в этом мире, зная, что Кромвелю не достанется ни одной монеты. Кому Бог назначит, тому и явит весь клад твоего отца, ибо я ничего не могу сообщить».

– Итак, – торжествующе заявила Ида, – что вы скажете по

этому поводу, полковник Кварич? Я думаю, что Библию так и не отправили его сыну, но вот она, и в том письме, как я всем сердцем верю, – и она положила палец на выцветшие буквы, – лежит ключ к тому, где спрятаны эти деньги. Боюсь только, что никогда его не разгадаю. Я много лет ломала голову над этими строчками, думая, что это что-то вроде акростиха, но безрезультатно. Я перепробовала все, что могла. Я перевела их на французский и на латынь, но все равно ничего не могу понять... ничего. Но однажды кто-нибудь наверняка их разгадает... по крайней мере, я очень на это надеюсь.

Гарольд покачал головой.

– Боюсь, – сказал он, – то, что так долго оставалось загадкой, останется ею навсегда. Возможно, старый сэр Джеймс просто водил за нос своих врагов!

– Нет! – с жаром воскликнула Ида. – Будь это так, что стало с его деньгами? Он был одним из самых богатых людей своего времени, и то, что это действительно так, мы можем видеть из его письма к королю. После его смерти ничего не было найдено, кроме его земель. О, и этот клад тоже будет когда-нибудь обнаружен, пусть даже через двадцать веков, слишком поздно, чтобы нам была от него какая-то польза. – И она глубоко вздохнула, и ее прекрасное лицо приняло страдальческое и усталое выражение.

– Что ж, – сказал Гарольд с сомнением в голосе, – возможно, в этом что-то есть. Могу я сделать копию этого письма?

– Конечно, – ответила Ида с усмешкой. – И если вы най-

дете клад, мы можем его поделить. Давайте я продиктую его вам.

Как только этот процесс был закончен и Гарольд закрыл свой блокнот, куда он вложил копию письма, написанную на половинке листа бумаги для заметок, в комнату снова вошел старый сквайр. Посмотрев на лицо этого почтенного джентльмена, его гость увидел, что разговор с Джорджем, очевидно, прошел отнюдь не удовлетворительно, ибо сквайр был явно не в духе.

– Что случилось, отец? – спросила его дочь.

– О, ничего, моя дорогая, ничего, – ответил тот довольно печально. – Приходил Джордж, вот и все.

– Да, но лучше бы он держался подальше, – сказала она, слегка топнув ногой. – Он вечно приносит дурные известия.

– Такие времена, моя дорогая, такие времена. Джордж тут ни при чем. И куда только катится эта страна, хотел бы я знать.

– Так в чем же дело? – спросила Ида, не скрывая тревоги. – Что-то не так с фермой у рва?

– Да, Джантер все-таки от нее отказался, и я даже не знаю, где мне взять другого арендатора.

– Теперь вы видите, полковник Кварич, какое это сомнительное удовольствие, быть владельцами земельной собственности, – сказала Ида, поворачиваясь к нему с улыбкой, в которой однако не чувствовалось большого веселья.

– Да, – ответил полковник, – я знаю. Слава богу, у меня

есть только десять акров земли, которые оставила мне моя дорогая тетушка. А теперь, – добавил он, – думаю, что мне следует откланяться. Уже половина одиннадцатого и старая миссис Джобсон наверняка заждалась меня.

Ида подняла голову в знак протеста и открыла рот, чтобы что-то сказать, но затем по какой-то причине передумала и протянула руку.

– И если вы найдете клад, мы можем его поделить

– Спокойной ночи, полковник Кварич, – сказала она. – Я так рада, что теперь у нас будет сосед. Кстати, завтра утром

несколько человек приезжают ко мне поиграть в теннис. Не желаете составить компанию?

– Что? – раздраженно перебил ее сквайр. – Снова твои партии в теннис, Ида? Думаю, на этот раз ты могла бы меня пощадить, принимая во внимание все мои заботы.

– Ерунда, отец, – сказала его дочь не без обиды. – Чем могут несколько людей, играющих в теннис, навредить тебе? Бессмысленно замыкаться в себе и изводить себя печалью из-за того, что мы бессильны что-либо изменить.

С видом благочестивой покорности старый джентльмен сдался и робко спросил, кто придет.

– О, как обычно. Мистер и миссис Джеффрис... Мистер Джеффрис – это наш пастор, полковник Кварич, затем доктор Басс и две мисс Смит, в одну из которых он якобы влюблен, мистер и миссис Квест, мистер Эдвард Косси и еще несколько человек.

– Мистер Эдвард Косси! – воскликнул сквайр, вскакивая со стула. – Ида, ты же знаешь, что я на дух не переношу этого молодого человека, что я считаю его отвратительным молодым человеком. Ты могла бы проявить больше сочувствия ко мне и не приглашать его сюда.

– Я ничего не могла с этим поделать, отец, – холодно ответила дочь. – Он был с миссис Квест, когда я пригласила ее, и мне ничего не оставалось, как пригласить и его. К тому же, мистер Косси мне нравится, он всегда такой обходительный, и я не понимаю, откуда в тебе такое стойкое предубеждение

против него? В любом случае, он придет, и давай прекратим этот разговор.

– Косси, Косси, – сказал Гарольд, вмешиваясь в их разговор, – когда-то я знал это имя. – Иде показалось, что говоря эти слова, он слегка вздрогнул. – Он часом не из семьи знаменитых банкиров?

– Да, – ответила Ида, – один из сыновей. Говорят, что когда его отец, который очень болен, умрет, ему достанется полмиллиона, если не больше. В наших краях он управляет отделениями их семейного банка, по крайней мере, номинально. Мне кажется, в действительности ими управляет мистер Квест. По крайней мере, филиалом в Бойсингеме – уж точно.

– Ну, ладно, – вздохнул сквайр, – если они приглашены, то пусть приезжают. В любом случае, я могу пойти прогуляться. Если вы идете домой, Кварич, я пойду с вами. Хочу глотнуть немного воздуха.

– Полковник Кварич, вы еще не сказали, придете вы завтра ко мне поиграть в теннис или нет, – сказала Ида, протягивая на прощание руку.

– О, спасибо, мисс де ла Молль. Да, я думаю, что приду, хотя, если честно, игрок в теннис из меня никудышный.

– О, мы все такие. А пока спокойной ночи. Я так рада, что вы приехали жить в Моулхилл. Думаю, моему отцу будет приятно иметь товарища по прогулкам, – добавила она, как будто ей в голову пришла запоздалая мысль.

– Да, – хмуро ответил полковник, – мы почти ровесники. Спокойной ночи.

Дождавшись, когда дверь за ним закрылась, Ида положила руку на каминную полку и подумала о том, что полковник Кварич ей в целом понравился, причем в такой степени, что даже его не слишком красивая физиономия не отталкивала ее, а, скорее, даже привлекала.

– Знаешь ли ты, – сказала она себе, – именно за такого мужчину я и хотела бы выйти замуж. Чушь, – добавила она, нетерпеливо пожав плечами. – Чушь, тебе почти двадцать шесть. Ты слишком стара для такого рода вещей. А теперь эти новые неприятности с фермой. Мой бедный старый отец! Что ж, это жестокий мир, и мне кажется, что сон – это лучшее, что в нем есть.

И она со вздохом зажгла свечу, чтобы отправиться спать, однако тотчас передумала и села, чтобы дождаться возвращения отца.

Глава V

Сквайр объясняет свое положение

– Я не знаю, что будет с этой страной, я действительно не знаю, и это факт, – заявил сквайр своему спутнику, после того как они прошли несколько шагов в молчании. – Вот ферма, ферма у рва. Когда я был молодым, она приносила двадцать пять шиллингов дохода с акра, а восемь лет назад она приносила тридцать пять. Теперь я сократил аренду, сократил до пятнадцати, лишь бы сохранить арендатора. И чем все это закончилось? Джантер – это арендатор – предупредил меня в прошлый Михайлов день, но эта тупая сова, Джордж, заявил, что все это ерунда, и что он будет и дальше платить по пятнадцать шиллингов, когда придет время. А сегодня вечером он приходит ко мне с лицом длиной в ярд и говорит, что Джантер все равно откажется от аренды при любых расценках и что он не знает, где ему найти другого арендатора. Это суцая катастрофа, вот что это такое. Триста акров хорошей, плодородной земли, и нет арендатора на нее по пятнадцать шиллингов за акр! Что мне делать?

– Разве вы не можете взять ее в свои руки и обрабатывать ее сами? – спросил Гарольд.

– Как я могу взять ее в свои руки? У меня уже есть одна ферма в сто пятьдесят акров. Вы представляете, во сколько

это мне обойдется? – И сквайр остановился и ударил палкой о землю. – Десять фунтов за акр, до последнего фартинга... и, скажем, по тысяче за договоры... всего около четырех тысяч фунтов. И где мне взять четыре тысячи фунтов, чтобы спекулировать таким образом, потому что это спекуляция, причем такая, заниматься которой самому – я слишком стар, даже будь у меня необходимые знания. Ну, вот мы и пришли, и теперь я пожелаю вам спокойной ночи, сэра. Становится холодно, а я последние пару лет стал слаб грудью. Кстати, я полагаю, что увижу вас завтра на теннисной партии Иды. Нет, я вовсе не против того, чтобы она их устраивала, но как я могу думать о таких вещах, когда на меня свалились все эти неурядицы? Что ж, спокойной ночи, полковник Кварич, спокойной ночи. – И с этими словами он повернулся и в лунном свете зашагал домой.

Проводив его взглядом, Гарольд Кварич направился к дому, размышляя, не без грусти, над драмой, которая разыгрывалась перед ним, этой самой распространенной в наши дни драмой – разорением древнего рода по причинам, над которыми люди не властны. Не нужно было быть семи пядей во лбу и обремененным знанием о мире, чтобы понять: древний род де ла Моллей обречен. Эта история о брошенных фермах и деньгах, которых нет и не будет, имела собственную мораль, причем, весьма печальную. Даже почти детское волнение Иды по поводу легенды о зарытом кладе указывало ему, сколь острой была их потребность в деньгах. Ему поду-

малось, как приятно было бы сыграть роль этакого волшебного принца, поставив между ней и грозившим их семье разорением несметное богатство.

Как прекрасно этот великодушный, гостеприимный сквайр вписался бы в это новое положение, подходящее ему по характеру, происхождению и традициям, играя солидную роль старомодного английского деревенского джентльмена. Полковнику было больно думать о том, что такой прекрасный человек вынужден по причине пустого кошелька пускаться в разного рода финансовые махинации, пытаюсь спастись от настигающей его нищеты. И Ида тоже... Ида, у которой имелись все качества, способные сделать богатство и власть тем, чем им положено быть – рамкой для ее красоты и ума. Но так уж устроен этот мир, и Гарольд не мог этого исправить. С горьким чувством несправедливости этого мира наш герой не без труда – ибо он еще не успел привыкнуть к его с извивам и поворотам – проделал путь вверх по крутому склону Горы Мертвеца и, обойдя дом, подошел к передней двери.

Он вошел в дом и, сказав миссис Джобсон, что она может идти спать, сел покурить и предался размышлениям. Как и многие одинокие люди, Гарольд Кварич был заядлым курильщиком, и никогда еще так остро не нуждался в утешении табака, нежели в этот вечер. Несколько месяцев назад, уволившись из армии, он столкнулся с серьезной дилеммой. Он, здоровый, энергичный мужчина сорока трех лет, трудо-

любивый, обладающий пытливым умом, внезапно оказался заброшен в этот мир, не имея иной профессии. Что ему делать с собой? Пока он задавался этим вопросом и безучастно ждал ответа, которого так и не было, его тетушка, старая миссис Мэсси, ушла из этой жизни, завещав ему все, что у нее было, что вместе взятое могло принести ему триста фунтов годового дохода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.